

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

1

Наша машина остановилась. Я почувствовал это сквозь тревожную дрему и почти сразу услышал характерное «пс-с-ш» — звук сжавляемого воздуха из ресивера пневмосистемы. Остановки на трассе всегда опасны, особенно если ехать одной машиной, то есть без попутчиков на других авто. А так можно встроиться в караван из грузовиков — тогда есть шанс не привлечь к себе внимание бандитов. Братки не сунутся к большой компании дальнотойщиков: водители могут дать достойный отпор.

А в этот раз мы на трассе были одни...

— Михалыч!.. — донеслось до меня.

Остатки сна моментально улелучились, я открыл глаза. Что могло случиться, почему остановились? Я весь напрягся, и память, как нарочно, подбросила жуткий эпизод трёхдневной давности, прочно засевший в моей голове...

2

Впереди — чёрный дым, на нас надвигается догорающая изрешечённая пулями кабина грузовика, в кювете лежит полуприцеп-рефрижератор. На трассе ни души. Сбросив скорость, мы в угрюмом молчании проезжали мимо драмы, разыгравшейся на шоссе. Людей из расстрелянной машины нигде не было видно, и останавливаться на их поиски было слишком рискованно. Всюду разбросаны деревянные поддоны. Я узнал эту фуру с броской пиктограммой на боргах: летящий в галопе мустанг. Не так давно она отъезжала от придорожного кафе, к которому мы подруливали, останавливаясь на отдых и обед.

— Вот суки! Она же порожняя! Я эту фуру ещё у кафе приметил, по осадке понял, что пустая едет. Значит, бандюки деньги пасли, а не товар! — гневно пробасил наш водитель Михалыч. — На трассе не тормозим, что бы там ни случи-

лось! — добавил он чуть погодя, в глухом голосе дальнотойщика слышались злость и решимость. Михалыч надавил на гашетку. — Вовка, надень куртку так, чтобы тельник твой видно было... И шапку-чеченку на голову тоже нацепи. — Он кинул на меня быстрый взгляд, в глазах его полыхало недоброе тёмное пламя.

Я давно отметил, что Михалыч внешне своей схож с медведем: маленькие глаза, крупный нос с широкой переносицей, на вытянутом лице чуть выдвинута нижняя челюсть, губа оттопырена лодочкой. Теперь сходство стало как будто ещё сильнее. Михалыч навис над баранкой исполинским телом и, вцепившись в неё огромными ручищами, грозно всматривался вперёд в серое полотно дороги. Наверное, так выглядит медведь-подранок, который ищет в лесу своего обидчика — горе-охотника.

— Под сиденьем — монтировка. Подними её. Пусть думают, что ты охранник и вооружён, — продолжал инструктировать меня Михалыч. Дальше он скомандовал напарнику: — Митька, в люлю!

Тот перебрался в глубь кабины, в спальник, уступив мне место пассажира.

Решимость Михалыча, а вместе с ней уверенность передались и мне. Мы подъезжали к Казани. Я всматривался в горизонт. А там — небо, затянутое грозowymi тучами... Что ещё поджидает нас впереди?..

3

Мыслями возвращаюсь в день сегодняшней. В кабине — приглушённый свет, за окнами — темень ночи.

И опять я слышу:

— ...Михалыч, вставай! Слышь, кому говорю! Просыпайся! Ещё один баллон — навывлет...

Это говорил наш второй водитель Митька. Его слова, а ещё то, каким тоном он их произнёс, уняли волнение, засевшее в моей груди кожом. Отлегло. Теперь главное, чтобы нашу фуру не приметила залётная машина бандитов, курсирующих по трассе. Хотя ночью это навряд ли...

В ответ Митьке утробным басом Михалыч недовольно проворчал с нижнего спальника:

— Говорил тебе, эти баллоны надо было ещё

в Москве поменять! Такую дорогу почти в три с половиной тысяч вёрст они не выдержат. Теперь сам болты крути!

Михалыч ещё беззлобно ругнулся, дескать, чтоб всех их так — и вкривь, и вкось. Он заворочался, что-то ещё недовольно пробухтел себе под нос.

— Ладно тебе, Михалыч, я ж как лучше хотел... сэкономить, — елеин почти пропел Митька. — Без тебя до утра не управлюсь.

— Сэконо-омить!.. — В голосе Михалыча мне послышался призыв ненастроенного контрабаса. — Сколько времени потеряли в дороге! Это уже третий баллон!

Внизу заворочались снова и уже основательнее: «головастик», кабина нашего грузового «Мерседеса», заходил под тяжестью тела Михалыча.

— Где стоим-то?

— В степи где-то. Судя по всему, к Балхашу подъезжаем.

— Бери фонарь.

— Уже.

— Этот спит? — буркнул Михалыч и ткнул кулаком в спальник поверх себя так, что я почувствовал этот тычок.

— Этот не спит, — отозвался я. — С вашими баллонами поспишь разве?

Я слез со спальника и сел рядом с Михалычем на второе пассажирское кресло. Тот зевнул, широко раскрывая рот, мотнул стриженной головой с густыми, словно мех, чёрными с проседью волосами и с силой хлопнул огромными руками-лапищами по коленям.

— Всё, Митька, айда наружу!

Митька, сухонький мужичонка с кудлатой желтоватой головой и выбеленными на солнце бровями, шустро выскочил из кабины с водительского места, прихватив большой дорожный фонарь.

— Пошли, Вовка, хоть ноги разомнёшь, коль не куришь. Одежду-то оставь. — Михалыч заметил, как спросонья я потянулся за висающей в углу демисезонной курткой. — Здесь тебе не в Москве сопливой. Мы уже в Казахстане, забыл, что ли!

Михалыч старше всех в машине, всегда всем указывает, что надо делать. Он как капитан на корабле: попробуй пойдй поперёк него — сра-

зу за борт! И тот факт, что коммерческая компания, где я работал, наняла этот Михалыча «корабль», который теперь вёз товару на десятки тысяч долларов, его нисколько не волновал. Остальные — я и Митька — жили по его строгому внутреннему уставу.

Смотрю на Михалыча и в который раз удивляюсь тому, насколько его выражение лица и весь облик схожи с медвежьими. Походкой он тоже словно косолапый хозяин тайги: неспешно, даже валяжно, чувствуя за собой огромную силу, переваливается с ноги на ногу.

Я спрыгнул со ступеньки «головастика» — под ногами зашуршал гравий. Затхлый воздух кабины сменил лёгкий ветерок, напоённый свежестью проснувшейся от зимнего сна цветущей степи. Стояла непроглядная темень. В свете фар лишь кусок дорожного полотна, обочина тоже почти не видна, её размытые очертания всплывают при мигающем жёлтом свете аварийных фонарей, вдоль полуприцепа — фуры лентой, еле приметные от дорожной пыли габаритные огоньки. В голове у меня шумит от долгой непрерывной езды. Сколько же мы в дороге? Кажется, четвертые сутки. Пока грузовик катит по шоссе, неудобства в спальнике из-за места, не подходящего мне по росту, можно было не замечать. Равномерное урчание двигателя, шум дорожного полотна и покачивание кабины убаюкивали даже на ухабистых просёлках, коих не счесть по казанской трассе, ведущей из Москвы.

В свете фонаря мужики возятся с лопнувшим колесом нашей фуры: Митька вставил кусок трубы в ручку ключа-баллонника и, забравшись обеими ногами на её другой край, слегка подпрыгивал, пытаясь сорвать очередной болт, прикипевший к металлу колеса за время пути.

Я спрашиваю, какое сегодня число.

— Двадцать третье марта тысяча девятьсот девяносто седьмого года от Рождества Христова! — с издёвкой пробасил Михалыч.

Он слегка подтолкнул напарника в сторону, тот спрыгнул, и Михалыч сам взялся за дело: навалился на край трубы, пользуясь им как рычагом. Болт — ни в какую. Михалыч надавил ещё сильнее. Болт натужно скрипнул, но поддался огромной силе.

— У тебя, Вовка, наверно со страху всё из башки вылетело, когда мы сваливали от бандитов под Курганом! — Михалыч довольно гогочет, Митька подхихикивает ему.

Михалыч принялся за следующий болт, но тут даже ему пришлось повозиться. Наконец все болты сдёрнуты. Михалыч, тяжело дыша, вытирает свои ручки ветошью. В желтоватых всполохах аварийных фонарей видно, как вздулись вены на толстой шее и его сильных руках. Митька теперь сам продолжил работу — забегал, засуетился.

— Вот скажи мне, Вовка, на кой мы по казанской трассе до Кургана круг наматывали, когда по «рязанке» через Уфу и Челябинск на границу к Троицку ближе и дешевле, причём намного? Глядишь, и бандюков курганских давить не пришлось бы...

— Михалыч, сколько по времени мы стояли на Петропавловской таможне? — задал я встречный вопрос.

— Ну-у, минут со-орок, — задумчиво протянул Михалыч, смекая, к чему я клоню.

— А на таможне в Троицке мы могли бы застрять на целые сутки. И притом в Петропавловске с нас таможенники взятку не брали, а это, считай, баксов триста, не меньше. У нас свой человек в Алма-Ате на таможне, а в Петропавловске его знакомый работает — то ли брат, то ли сват. Вот и считай теперь выгоду! — заключил я.

— Так то выгода твоя, Вовка, а не моя, — ухмыльнулся Михалыч, продолжая вытирать ветошью руки.

— Здесь, Михалыч, ты не прав, — говорил я. — О вашей с Митькой выгоде я тоже подумал.

Митька уже прикатил запаску и, вслушиваясь в наш разговор, замер, с любопытством выглянув за-за широкой, в сажень, спины Михалыча.

А тот задумался, перестав тереть руки ветошью. Михалыч прикидывал в уме, в чём подвох, и, не найдя ответа, всё же решился спросить:

— Это в чём же наша с Митькой выгода?

— Во-первых, на Троицкой таможне бандитов пасётся не меньше, чем на трассе. И я, как хозяин груза, и вы, как хозяева машины, могли на деньги попасть. Во-вторых, там

тьма плечевых на стоянке трётся. Каждая красotka по пятьдесят баксов стоит. Вас двое — значит, сотня уже в кармане сохранилась плюсом. И потом чем наградили бы вас эти жрицы любви, ещё неизвестно, а это уже расходы на лекарства.

Михалыч, сначала слушавший меня внимательно, теперь понял, что попался на розыгрыше. Понял это и Митька — он снова захихикал, но теперь уже над своим компаньоном. Михалыч повернулся и кинул в него ветошью.

— Иди крути болты! Гогочешь тут... — и сам добродушно рассмеялся моей уловке.

4

Про курганских бандитов Михалыч не врал. Вспомнил я, как, не доезжая до границы с Казахстаном, километров за двести, сели они нам на хвост. Пришлось мне тогда снова брать в руки монтировку. Вишнёвая «девятка» несколько раз обгоняла по трассе наш грузовик и, уступая дорогу, пропускала вперёд раз за разом. Мне стало не по себе. Хмурился и Михалыч. В сгущающихся сумерках было видно, с каким хищным интересом разглядывали нас бритоголовые братки, набившиеся в салон машины. Так мы проехали около ста километров. Впереди как перспектива маячила граница, и бандиты решили действовать.

Мои монтировка, тельник и вязаная шапка-чеченка особо братков не впечатлили, и скоро я понял почему. В очередной раз поравнявшись с кабиной нашего грузовика, один бритоголовый — тот, что сидел с краю, — криво улыбнулся и как аргумент показал в окно «девятки» воронёный ствол своего АК, призывая нас остановить авто. Михалыч видел это, и снова, как в прошлый раз, пожелтели и заходили желваки на его скулах.

— Держись, Вовка, — предупредил он и в следующее мгновение круто вывернул баранку влево.

Я едва успел ухватиться за поручень, выронив из рук монтировку. Грузовик по крутой параболе выехал на встречную полосу, тесня «девятку», и водитель её, чтобы избежать столкновения, резко затормозил, пропуская фуру вперёд.

У края левой кромки дороги Михалыч взял обратный курс вправо — на нашу полосу. «Жигулёнок», казалось, избежал столкновения, хотя в последний момент вильнувший хвост нашего полуприцепа всё же слегка зацепил легковушку. Она ушла в кювет, но не перевернулась — осталась на своих четырёх.

В зеркало заднего вида я успел заметить, как братки горохом высыпали из машины и поднялись на дорожное полотно. Тот, что был с автоматом, хотел было прицельно открыть огонь, но, замешкавшись, не успел: дорога, забиравшая вверх на этом участке, теперь уходила вниз и пригорок скрыл из виду хвост нашей фуры.

— Чего? Проскочили? — из спальника показалось обескровленное, будто меловое, лицо Митьки.

— Нет ещё, — буркнул Михалыч и сильнее надавил на гашетку.

Только после того как мы пересекли границу и ещё отмотали от неё километров сто, я осознал, какой смертельной опасности мы были подвержены всё это время. Может, надо было остановиться?.. Но тогда оставили бы нас в живых бандиты? Так или иначе, Михалыч единовластно принял решение. Тогда выбора у нас не оставалось, кроме как молиться Всевышнему и надеяться на то, что не взорвётся очередной лысый баллон под нашей фурой.

5

А теперь на тёмной трассе колесо поставили на место. Пока Митька и Михалыч управлялись с болтами, я решил размять ноги — пошёл к краю полуприцепа. Я наблюдал за тем, как с каждым шагом сгущалась темнота, она вбирала меня, прятала, скрывая следы моего пребывания. Ночная тишина поглощала звуки работающего дизеля, и моё ухо всё явственней улавливало звуки ночной степи.

От самой Москвы всю дорогу небо было затянуто тучами, обещая нам грозу. А тут, стоило мне отойти в сторону от света фуры, как небесный купол, сотканный из чёрного бархата, накрыл меня с головой звёздной россыпью, идущей до самого горизонта. Я поднял голову

и ахнул!.. На муаровом полотне неба меж созвездий, заслоняя собой часть Млечного Пути, светилась комета!¹ Огромный фонарь с голубоватым хвостом и изогнутым по орбите желтоватым обрамлением был похож на любимую новогоднюю игрушку «Спутник» из моего далёкого детства. Это было так неожиданно и волнительно, что я, казалось, провалился во времени. Сколько раз, будучи ребёнком, глядя на ёлочную игрушку, мысленно на межзвёздном корабле я отправлялся в космос покорять далёкие миры! Магический свет, исходящий от кометы, завораживал, он был чем-то волшебным, словно послание с небес. Не помню, сколько я простоял так, глядя в ночное небо, пока меня не вернули на землю сигналы клаксона нашего авто.

— Ты чего там застрял, Вовка? — Михалыч сменил за баранкой Митьку, отправив того отдыхать в люлю.

Я занял пассажирское место в фуре. Мы тронулись. Переключая скорости, Михалыч набавлял газу. У меня сначала был порыв рассказать ему про комету, но я сдержался, — будто не стал делиться своим сокровищем. Михалыч, не дождавшись ответа, равнодушно хмыкнул и включил кассетник — из колонок полился незатейливый мотивчик. Пела Татьяна Овсиенко:

*Во тьме бегут фонари.
Где же, на какой дороге мой милый друг?
Он затерялся вдали,
И мужские руки сильные держат руль...*

Михалыч будто в подтверждение этих слов пристукнул по рулю ручищами, довольно заворчал — должно быть, так ворчит сытый медведь, укладывающийся на время зимней спячки.

— Михалыч, опять ты «Дальнобойщика» поставил своего! Дай поспать! — взмолился Митька из спальника.

— Молчи, Митька! Слышишь, про меня поёт! Какая женщина! Говорю тебе...

— У неё в тайных любовниках дальнобойщик ходит! — перебил его Митька, наперёд зная, какую водительскую байку сейчас расскажет ему Михалыч.

— Правильно! — подтвердил водила, мечтательно улыбаясь. — Это для него она поёт, понимаешь! А он в пути где-то!

— Ага, ещё скажи, для тебя поёт, а ты где-то под Балхашем! — огрызнулся Митька.

— Спи давай! — скомандовал Михалыч и прибавил звук до полной мощности.

*Всю жизнь глядят в ночь усталые глаза,
В пути шофёр-дальнобойщик.*

*Он знает лучше всех, он может рассказать,
Что наша жизнь — шоссе, шоссе длиною в жизнь.*

Михалыч нечленораздельно подпевал популярной эстрадной певице, а она, видимо из благодарности, пела только для него...

6

ПРИБЛИЖАЛОСЬ время рассвета — самое сложное для вождения, потому что мир, утратив за ночь краски, но ещё не обретая их вновь с приходом солнечного света, сливается воедино, — для водителя он проступает едва различимыми контурами сепии.

Мне не спалось. Я смотрел в окно, и переживания этой ночи полностью захватили меня. Что-то случилось в моей душе в тот миг, когда я поднял голову навстречу звёздному небу, будто прикоснулся к чему-то. Я не мог понять ещё, к чему именно, но чувствовал: что-то очень важное открылось мне в тот миг. Цепляясь за призрачную нить ускользающих образов, я пытался вернуть то ощущение, что испытал на шоссе. Стоя там, под небесным куполом, я вдруг впервые стал задаваться вопросами, раньше ни при каких обстоятельствах не шедшими мне на ум. Что толкает меня на такую опасную работу? Авантюрное начало, жажда приключений, стремление заработать денег, отсутствие семьи? Как долго буду я работать экспедитором и с риском для жизни мотаться по дорогам бывшего Союза? В этот раз нам повезло, а тем водителям с мустангом на бортах — нет. Вот Михалыч — он на своём месте, это точно. Даже Митька при деле, хоть и никуда без Михалыча. Чего, собственно говоря, я хочу от жизни?

¹ Комета Хейла-Боппа.

Я смотрел, как в рассветных лучах плывёт за окном казахская степь, а перед глазами проходили другие дороги прошлого: снежные переи́мёты, скрывающие фуру и, словно туннель, тянущиеся на многие километры вперёд, — дороги, покрытые сажей, усталые лица водителей у горящей покрышки — единственного источника тепла посреди зимней стыни...

Перед моим мысленным взором шли чередой лица друзей, знакомых женщин, случайных спутников, с которыми когда-либо мне доводилось встречаться. Все они, узнанные и забытые мною, стояли тесными рядами плечом к плечу. И я стоял среди них. Люди всё прибывали — не протолкнуться, и как бы я ни старался, кроме вперёдистоящих затылков уже ничего не мог разглядеть.

Так и стоять бы мне в тесном ограниченном мирке суетных мирских желаний под грузом извечных вопросов без ответа на них... Но вдруг с небес ко мне спустилась лестница, чья-то властная рука приподняла меня на ступеньку, я оказался над головами впереди стоящих людей, это позволило заглянуть мне дальше, к горизонту. И открылись тогда мне простые ответы на самые, казалось, сложные вопросы, и путь наверх по лестнице был свободен, но я стоял в начале этого пути и не был

пока готов встать на следующую ступеньку за другими ответами.

А на горизонте поднималось солнце, и тёплый луч коснулся моих глаз...

— Вовка! Уснул, что ли?! — Михалыч бесцеремонно пихнул меня в плечо.

Я открыл глаза. Солнце уже встало над горизонтом, предвещая ясный погожий денёк.

— Да нет вроде... — отозвался я, скорее пытаясь ответить на вопрос самому себе, что же это было: сон или, быть может, всё, что видел я, случилось наяву?

— К ночи будем дома! — добродушно пробасил Михалыч. — Ну-ка, Вовка, перемотай кассету на мою любимую песню... Первым делом с утра дома баньку затоплю! — мечтательно протянул он.

— А я дома от твоей «любимой» отдохну, — пробубнил в спальнике Митька.

— А ты, Вовка, чем займёшься?

Я опять промолчал в ответ. Глядя перед собой, я, кажется, улыбался...

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет», «Под солнцем цвета киновари»,

«Смотритель реки», «Жизнь по зёрнышкам», «Пульс Ленинграда».

Организатор

международного литературного фестиваля «Петроглиф».

Лауреат литературной премии

Главы Республики Карелия имени Г.Р.Державина.

Живёт в Петрозаводске.

